

В номинацию «**Пьесы малого формата и экспериментальные тексты для театра**».

Dopamine (дофамин) – нейромедиатор, гормон «обещания удовольствия», «ожидания награды» и мотивции. В двадцатом веке британские ученые обнаружили ген, благодаря которому некоторые люди являются дофаминовыми наркоманами от рождения. Также дофаминовую зависимость можно приобрести в течение жизни, если не соблюдать определенную эмоциональную диету.

ДНЕВНИКИ ЭЛИЗЫ

или как я ныряла с камнем

(очень короткая, но вместительная проза)

By Anna Avota

2014 г.

5 марта, четверг

Не далее, как сегодня на рассвете мистер Идитекчерту сообщил Элизе, что море между ними переплыто, все маяки блеф, а попутный ветер зовет его в Индию к иным горизонтам. Элиза всплакнула, но вскоре успокоилась, и лишь негромкое постукивание по столу далеко не идеальным маникюром выдавало ее внутренние баллы. Штормило не на шутку. А что было делать? Балласт сброшен весь еще прошлым летом, да лодчонка утлая, вся надежда на весла, одно из которых сломано, второе представляет собой семейную реликвию, маленькое изящное весло, которое Элиза прячет в нагрудном кармане, чтобы в случае чего проткнуть об него свое маленькое птичье сердце.

8 марта, суббота

Элиза получила с десятков тюльпановых букетов по неясному поводу, который раздражал ее каждый раз и теперь все сильнее. На самом деле, она желала всего один тюльпан, да и не тюльпан даже, а одно всего лишь слово от покинувшего ее мистера Идитекчерту. Покинувшего, но никогда еще ей не принадлежавшего. Так странно было ей представлять его лицо под морскими ветрами, она грезила солеными губами и чистыми объятиями, совсем почти без страсти.

Таковыми бывают лишь нежные прикосновенья брата и сестры, когда у них есть тайна, которую они доверят лишь друг другу и больше ни одной живой душе ни на этом свете, ни на том. Не выдержав очередного приступа тоски, рука Элизы сама потянулась в кармашек на груди за маленьким веслом. Она будто играла с судьбою. И это ведь опасные игры, Элиза, подумай, прежде чем... Но что делать, когда сердце переполнено и без кровопускания никак не обойтись? «Утром убрала бы» - сквозь слезы подумала Элиза о так и не испачканной пижаме и простынях. Элиза ведь была серьезной девушкой и весьма неплохо разбиралась в сути некоторых явлений, в том числе и в самой себе.

Она уснула в надежде, что он приснится ей, но мистер Идитекчерту, вероятно, в ту ночь шатался в снах других девиц. Но кровь еще долго мерещилась Элизе и все так же манила.

15 марта, понедельник

Как-то утром Элиза ела вишни и укусила себя за палец. Сильно укусила, так, что до крови. "Ну, и хорошо, - подумала Элиза. - Когда он, наконец, вернется, моя кровь станет темная, сладкая и сонная, как ледяной вишневым компот из запотевшего на жаре графина. И когда он надкусит вену на моей шее, он сначала напьется, а потом спросит - милая,

коль скоро разлука между нами есть, то вот Вам от меня нарисованная роза или воздушный поцелуй».

52 апреля, среда

Чрезмерная тоска вредит. Но губы Элизы оставались все так же свежи, глаза блестели, и в тонких пальцах мелькала нить, невидимая никому. Уже и не так часто она ходила к реке, как ей бы этого хотелось. Оставленной девице полагается печалиться сильнее. Элиза же не могла похвастаться отменным воспитанием и тосковала, как умела. Однажды тот самый Валентин позвал ее на ужин. Он суетился, и даже чуть было не уронил на пол яичницу. Элиза вежливо не обращала ни на что внимания. И лишь сказала: «Рыбу я не буду». Ведь мистер Идитекчерту никогда не ел никакой рыбы. «Отчего же? – спросила Элиза его как-то, - Ах, она слишком холодна!» - ответил мистер Идитекчерту. «Боже мой, до чего же он мииилыый...» - подумала тогда Элиза. Она была до ужаса сентиментальна.

67 апреля, пятница

И так время шло. Элизе хотелось позволить себе, наконец, быть дерзкой. И вот она решилась. В тот день стояла апокалиптическая февральская жара. Очкарики мучительно утирали лоб бумажными платками, глаза им заливало потом. И нечем было дышать на протухших улицах. Элиза надела белые чулки и вся вымылась черничным мылом. От нее пахло неизвестностью и ягодным компотом, а ногти так блестели, будто она нарочно измазала их конопляным маслом. В гостиной Валентина было свежо, ставни прикрыты и жалюзи опущены. Он подошел к ней с натуральной белой орхидеей и многозначительно спустился на колени. Элиза старалась не смотреть на неприлично розовые мочки ушей, залысины и перхоть, то и дело предательски сыпающуюся на костюм. Она хлебнула теплого «Шене» и вспомнила, как Некто, о ком сейчас ей вовсе не хотелось вспоминать, однажды, мельком, в случайном разговоре взял ее под руку, и ей показалось, что мир вокруг них остановился.

68 апреля, суббота

«Какой отвратительный день!» - Воскликнула Элиза мысленно, прокляв себя саму, свою принципиальность, «Шене», неуместно знойный февраль и все, что было с нею накануне. Теперь снова шел снег, и очень хотелось закрыть окно, прекратить сквозняк и переписать заново весь вчерашний день. А самое главное, Элиза не знала, изменила ли она мистеру Идитекчерту, и вызовет ли Валентин теперь ей такси. Сражаясь с приступами тошноты, она нашла свою одежду, большая часть которой, к счастью, оказалась на ней. Минутой позже (надо отдать должное бедняжке Валентину, он был проворен) Элиза спустилась в парадное и поспешно вошла в прибывший порше. Когда машина отъехала и французская песня слегка заглушила провокации совести, Элиза нащупала токую нитку в пальцах и радостно улыбнулась, несмотря на предательские спазмы желудка. Та нить, целостностью которой она так страстно дорожила, прочно связывала ее мысли с мистером И., и связь эта была крепче многих известных связей во Вселенной.

79 апреля, вторник

А через два дня, регулярно поворачивая мысли свои в тот отвратительный вечер, Элиза с радостью восстановила все до мельчайших деталей. Теперь она совершенно бессовестно и даже с некоторым наслаждением не отвечала на телефонные звонки несчастного Валентина, а когда он приходил и барабанил в дверь своим занудным извинительным звонком, она на цыпочках кралась к двери и стояла так, как бы сверху, рассматривая его в

дверной глазок. А после хохотала, как умалишенная, прыгала по кроватям и кружилась на ковре. Платье кружилось вместе с нею и мысли ее, теперь чистые и хрустальные, а потому звенящие неслись в запредельные высоты. Она вспомнила, как отвратителен был безутешно влюбленный Валентин, как она все пила, и пила из бокала, а пузырьки Шене взрывались внутри нее с потрясающим треском салютов, и как уже с первым глотком безудержное ее Эго прорвало все шлюзы приличий. Она болтала без умолку, и строила из себя то искушенную мадам, то македонскую невинницу и вечную синьориту с блаженным взором. И Валентин, не в силах уследить за переменами, краснел и тяжело дышал, и даже растегнул сорочку. А она вконец обвинила его во всех грехах, что он не совершал, и с томным «Сударь, о, как же Вы утомили меня Вашим склизким присутствием...» упала на диван и разрыдалась.

Тут Элиза несколько теряла связь с происходящим. То ей казалось, корсаж она сняла сама из-за внезапной духоты, то, как бы Валентин помог ей. Но это обстоятельство ничего теперь не решало и лишь добавляло искусности в издевках над бедным Валентином. «Ха-ха! – вскрикнула она. - Ха-ха! Я НЕ ЗАБЫЛА НИЧЕГО!». И тут же захлебнулась пустотой.

101, 102, 103 апреля с понедельника по пятницу

Все следующие дни Элиза горько проплакала. В ее памяти то и дело проносились обрывки печальной встречи, когда рассвет неумолимо приближал разлуку. Она стояла на пороге расставанья, уже нащупывая пальцами те самые нити, что прочно свяжут ее и мистера Идитекчерту на долгие-долгие дни вечности, такие глухие к ее душевной тоске. Она сама шептала, еще не понимая, что делает: «Прошу Вас, там не дайте мне забыть Вас» - цитируя известную актрису, и ей казалось, все правильно и она, должно быть, прелестна в своей печали. Он лишь спросил: «Элиза, ну, зачем я Вам?». «Ах, разве ж это мне известно? Я просто так хочу» - ответила Элиза. «Ведь ожиданье это пустота, я буду далеко, и Вы одна не перенесете тяжести разлуки. Займитесь, наконец, хотя бы рукоделием». Элиза сказала, что у нее уже есть одно, имея на уме ту нить, что запуталась в ее кармане и загадочно улыбнулась мистери Идитекчерту, он в ответ тактично промолчал, будто бы и не заметил ее улыбки.

2 мая, среда

В другое утро Элиза решила занять себя шитьем и заодно пристроить нить, мешающую спать, дышать и думать. Ей больше не жилось с тоской, и разлука уже не казалась очаровательным предприятием. Она сметала шелковую юбку, втянула нить в челнок и застрочила на машинке. Но первый шов, уверенно ровный, вдруг искривился. Машинка предательски выстукивала: «Тытыты тыты тыты ты ты». Избавившись от нити и выбросив недошитую юбку в мусоропровод, Элиза несколько не избавила себя от гадких мыслей.

18 мая, воскресенье

Проповедь была весьма удачна, и Элиза шла домой в приподнятом духе, и даже заглянула к набережной. Все те же липы в саду, все тот же смутный ветерок. Чего-то не хватало. «Ах, рыбьей чешуей теперь не пахнет!» - подумала Элиза. А вечером, сидя с чашкой какао за столиком в кафейнице напротив она будто бы ушла под воду снова, в тот неприкаянный глубокий дом воспоминаний, что сама же потребовала сохранить ей в дар от Него, как сувенир. Тоска съедала душу на завтрак, обед и ужин. И иногда приходила к Элизе в гости по ночам. От того казалось, душа ее стала совсем нечувствительна ко всему

внешнему. И даже внутренне не ощущала никакого вкуса. Ни радости, ни горя, ни восхищенья, ни прелестной майской грусти. «Но я не помню. Я теперь не помню даже ни лица его, ни голоса» - с горечью подумала Элиза. Она долго рылась в сумочке, наконец, извлекла свой старый медальон. Стучало сердце очень громко, пока решила открыть. Наконец, открыла. И на нее взглянуло незнакомое лицо. Да, вроде бы очертанья были те, тот мягкий взгляд, та линия прекрасных губ, которые ни разу не поцеловали. И гадкая тоска еще сильней сдавила сердце Элизы в тисках фатальной неизбежности.

1 июня, суббота

Элиза не заметила, как насупило лето, впрочем, не впервые. Ничего не изменилось, только липы стали чуть нежнее шелестеть над головой, и рябь воды приобрела аристократический оттенок, глубокий синий, благодаря небу, расширившемуся и вместившему в себя весь город, и шпиль, и флюгер на ратуше, и дворик Элизы, и ее новые кухонные занавески.

147 июня, воскресенье

Элиза вторую неделю развлекала себя вязаньем кружевных салфеток. Плела крючками, доводя до изнеможенья пальцы. Их больше ничто не сковывало, а приятный Поклонник проводил часы в Элизиной гостиной за чаем, разговорами и прочей ерундой. Однажды он вознамерился ее поцеловать, Элиза не была особенно против, но поцелуи давно уже не доставляли ей той приятной сладости, что раньше.

7 июля, среда

«Послушайте, Вы здесь одна, позвольте я к Вам присяду с чаем. Желаете попробовать?». Элиза сперва услышала голос, а затем увидела ее саму. Хорошенькое лицо и запястья будущей любовницы казались приятно тонкими. А когда она брала мандолину и напевала веселую итальянскую песенку, Элиза будто впадала в летаргию под шорох опадающего яблоневого цвета.

Все эти безумные чаепития в чужих гостиных заканчивались звонкими поцелуями и нежным воркованьем. Не менее звонкой была пощечина, которую оставила Элиза ей напоследок, застав подругу однажды в беседке с тем самым нелепым юнцом, что когда-то преследовал ее на рынке. Они расстались, впрочем, жалеть было не о чем, разве что о прелестном итальянском и звуках инструмента, о которых Элиза редко, но все же сучала.

29.5 июля, четверг

Гром грянул неожиданно. Элиза спряталась под крышу на трамвайной остановке. «Вот, встретились. Здравствуйте, Элиза» - сказал тот самый Валентин. Не без хрипоты волнения. На этот раз он был мокр, сутул и, кажется, чуть более лыс, чем прежде. Элиза задрожала не от холода. Конечно, поздоровавшись в ответ с этим несчастным мужчиной, так глубоко ею однажды обиженным она ощутила в груди укол, но вовсе не совести. И не желание просить прощения заставило позволить ему проводить ее домой. Сильное головокружение, будто бы рядом не этот убогий в чем-то, но блаженный Валентин, а тонкий и воздушный мистер Идитекчерту передвигался рядом, ее мутило, как от только что принятого снотворного.

Элиза до самого парадного держала клатч и кружевные перчатки у груди, с левой стороны. Она боялась, что кровь из раны просочится наружу и это испугает Валентина, и ей придется объяснить ему про мистера Идитекчерту и про семейные традиции, и про то, что с сердцем у нее обстоит не как у всех людей. Но рана была хоть и глубока, но разрез

недостаточно широк. Так что, Элиза ограничилась лишь тем, что выбросила одну перчатку, в надежде связать себе другую когда-нибудь потом. Они немного задержались у двери. Элиза выдавила: «Простите, Валентин, между нами ничего не может быть, простите еще раз». Он лишь пожал плечами. У него был вид человека давно простившего и, что-то святое было в этом прощении. Элиза не могла понять, что именно, ведь ей прощение было не свойственно. Зато она умела хорошо забывать. Но не в этот четверг.

33 июля, четверг

Ненависть к четвергам никуда не делась, теперь лишь усиливалась с каждой неделей. Элиза попыталась пересчитать, сколько четвергов уже сложилось в стопку с того самого четверга, когда мистер Идитекчерту открыл ей про разлуку. И все эти разговоры про маяки теперь внушали ужас и отвращение.

«Послушайте, Элиза, - сказал ей нынешний Поклонник, совсем не тот, чьи безвкусные поцелуи не доставляли радости, другой, гораздо старше Элизы, импозантный и имеющий изысканный вкус в вещах. - Послушайте, моя дорогая, Вы почему зря убиваетесь из-за дурных снов, в то время как душа Ваша совершенно измучена и требует немедленной разрядки. Оставьте в покое Ваше сердце, я знаю, оно несколько птичье, я не дурак и заметил это сразу, но тем лучше, Элиза, Вам давно пора перестать опекать его». Все это звучало крайне убедительно, и Элиза, недолго думая, отправилась с ним в Биарриц на почти целых три недели.

513 августа, четверг

Элиза с наслаждением ждала этого дня. Еще в прошлый вторник она решила совершить задуманное, но в предыдущий четверг все откладывала и откладывала, пока не пробило полночь, и так и не осмелилась. Но теперь решительности у нее прибавилось. Так всегда бывает с женщинами в конце лета. Именно с женщинами и именно в конце лета. Она зажгла свечу, намазалась черничным кремом и тщательно приготовилась вся и даже более чем вся, прочтя, на всякий случай, как заклинанье, несколько строк Гарсиа Лорка. Из форточки долетал шум площади, там пили вино и играли веселую музыку. И ветер, сладкий, и прохладный теперь уже, ветер августа будоражил мысли.

Элиза извлекла из нагрудного кармашка, что всегда был при ней, то самое весло. Изящная вещица была необычайно прелестна, Элиза невольно ею залюбовалась. Страшно подумать, сколько женщин в их длинном роду искалывали до смерти свои сердца, протыкали их беспощадно невинным орудием. Не зная, что это за адское искушение, можно было подать его к чаю, в виде ложечки для размешивания сахара или к десерту. С одного конца оно имело крошечную лопасть, с другого – тончайшей работы птичью головку с клювом-иглой. Не одно разбитое женское сердце истекало сладкой и мучительной кровью и рождало безумные силы для краткого взлета до самых вершин мироздания. Как упоительно было думать об этом и представлять свою собственную неминуемую гибель. К счастью, не все женщины совершали этот ритуал, иначе Элизы могло бы и не быть здесь сейчас в этой милой комнате с высокими потолками и нежными розами на новеньких обоях.

Все же трезвый ум был свойственен ее прабабушкам. Многим из них некуда было плыть, кто-то отчаивался. Но до сих пор ни одна не рискнула избавиться от необходимости носить в себе свое избавление. Элиза в последний раз взглянула на весло и уже без всяких мыслей легко переломила его пополам. Ту часть, что была похожа на ложечку, она бросила в ящик для столовых приборов, а вторую, самую опасную швырнула в открытое окно. Затем задвинула занавески, чтобы слегка приглушить шум площади и спокойно уснула. Ей

снился старый автобус, который заливало водой, и было немного страшно и весело от потопа. Но больше весело, ибо тот самый Кто-то, кого она в своих мечтах звала мистером Идитекчерту, был рядом настолько, что Элиза, наконец, слышала стук его сердца, как свой собственный. Он был слегка небрит, пах полынью, брал за руку и обнимал нежно и заботливо. А струи воды, заполнявшей автобус, нисколько не мешали им уходить все глубже и глубже в слои этого внезапно нахлынувшего океана, и легко дышалось, и хорошо было слышно, как толща воды над ними двумя становится все выше.

1 сентября, понедельник

Элиза, проснувшись, потянулась на кровати и поняла, что проспала, и что разбудил ее дверной звонок.

Почтальон, к которому она вышла, как была, в спальничьей сорочке, отдал письмо от неизвестного, в котором тот сообщал, что возвращается и будет проездом в их городе, и если Элиза хочет, то, как и договаривались, на набережной в два.

Элиза не хотела, но любопытство влекло сильней желанием увидеться с Поклонником. Она перенесла их обед на час позже и закопалась в шкафу, желая выбрать платье, крайне подходящее случаю. Она нашла задумчивое, в сирень и осталась вполне довольна.

Вполголоса напевая мелодию французской шансонетки Элиза весело дошла до набережной. Там было людно, и музыка играла в нарядном парходике, который только что прибыл. Она хотела остаться стоять под липами, но тут увидела Его. То был мужчина приятный весьма, с уставшими глазами путника, излучавшими спокойный свет. Элиза поняла, что они уже встречались прежде, но где и при каких обстоятельствах – вспомнить не могла. «Здравствуйте, сударыня» - негромко сказал он, и Элиза в ответ поздоровалась и зачем-то дружески его приобняла. Они прогулялись по набережной, зашли в бистро на чашку лимонаду (было жарко) и вот уже настало время возвращаться к пароходу. Внезапно похолодало, подул осенний ветер и солнце спряталось. Их непринужденная беседа вдруг свернулась, Элиза силилась придумать, как быть дальше. Но он взглянул в глаза и произнес: «А ведь Вы не помните меня». Она в ответ лишь покачала головой.

«Я говорил Вам в прошлую нашу встречу, что маяки все – блеф, что нет никаких маяков. Теперь Вы верите мне, дорогая... Эл?». Элиза молча улыбалась, однако забавно, он называет ее «Эл». «И мой камень. Вы даже о нем не помните теперь. А впрочем, я именно это и предполагал». Элиза промолчала. «Сударыня, я тут останюсь неподалеку. У меня ведь завтра день рожденья. Вы не желали бы... Я так спрашиваю, вы, вероятно, страшно заняты, но на всякий случай, я решил у Вас поинтересоваться об этом вопросе. Может быть, все же составите мне компанию?». Элиза ответила ему, конечно, очень вежливо, но чересчур поспешно: «Ой, нет, я буду уставшая». «Теперь вы прекрасно выглядите». «Но до завтра я устану, очень много работы, очень много работы». Тут прогудел пароход, прервав разговор, рискнувший уйти в ненужное им обоим русло.

Он едва прикоснулся к ее похолодевшей щеке своей небритой и ушел прочь по трапу. Вид у него был не то чтоб, огорченный, скорее озадаченный. Нет, все же огорченный. «Ах, да идите же Вы к черту с Вашей дурацкой философией!» - раздраженно подумала Элиза и немедленно отправилась обедать. А вечером какие-то смутные предчувствия все не давали ей спокойно приготовить на завтра вязанье и другие вещи, с которыми она хотела ехать к подруге за город. Элиза долго и бесцельно бродила по гостиной, потом зачем-то потянулась к старой шкатулке, в которую обычно бросала всякий хлам. И что-то дернуло ее открыть шкатулку. Там, среди кучи ниток и обрезков кружев, ненужных старых пряжек, пуговиц и лент лежал небольшой прозрачный камушек. То ли из обычного стекла, то ли

какой-то кварцевый. Прозрачный, в форме сердца. Элиза вытащила его. Теперь он лег у нее на ладони.

Элиза машинально сжала его в кулаке, и ей показалось, что именно он, именно для ее ладони идеально подходит, чтоб вот именно так и лежать. Она удивилась своим странным мыслям. Но теперь ей захотелось плакать, будто она не нашла, а наоборот, потеряла что-то очень важное. Но что это, и почему ей хочется плакать, Элиза не могла вспомнить, как ни старалась. Но самое удивительное, что еще долго не давало ей покоя, так это то, что камень был завернут в листок бумаги, будто бы вырванный из тетради. На нем было что-то написано, но Элиза никак не могла разобрать, что именно. Вероятно, листок долгое время пробыл в воде, и все буквы в нем расплылись. Элиза на какой-то миг подумала, что понимает, в чем причина. Но да, если б у нее было не обычное сердце, а, к примеру, птичье, она б ни на секунду не удивилась своим метаниям. Но в том, что сердце совершенно обычное, человечье, Элизы не имела повода сомневаться. Уж кто, как ни она понимает лучше всех свое собственное сердце.

11 марта, воскресенье

(потерянная страница, до того, как ее залили)

«Вы же разобьете мне сердце!» - горячо заявила Элиза мистеру Идитекчерту. «О, нет, сударыня! Вы плохо его знаете» - рассмеялся он в ответ. В то утро памятного четверга расставаний Элиза чуть было не закатила истерику и захотела что-нибудь на память, раз уж моря неизбежно влекут, во что бы то ни стало их переплывать, и путешествие, возможно, затянется. Она-то знала заранее, что все так и случится. Но Элизе непременно хотелось погрузиться в вязкий мед пока не ясных ей желаний, связанных не то с его нечаянно близким присутствием, не то с ее собственными грезами. К слову, не имеющими никакой связи с существующей для них обеих реальностью. «Оставьте же мне тогда хоть какую-то нить!» - воскликнула Элиза.

«Сударыня, открою Вам секрет, все нити рано или поздно рвутся» - ответил ей мистер Идитекчерту и улыбнулся. «Даже самые надежные?» - удивилась Элиза. «Надежные – в первую очередь» - сказал мистер И. теперь больше не улыбаясь. Элиза загрустила. «Ну, как же мне с Вами так вот расстаться? Я не хочу». Он что-то поискал в ее лице, задумчивый и спокойный, так и не ясно, нашел ли. Затем произнес: «В таком случае, вот вам от меня камушек. И обещайте мне, милая Эл, нырнуть вместе с ним и ни при каких обстоятельствах не выпускать его из рук, раз уж Вы так желаете подобных приключений». Он извлек откуда-то небольшой прозрачный камень и положил Элизе в ладонь, это было одно из тех немногих кратких прикосновений, которые у них случились.

И тихо добавил: «Смотрите же, держите его крепко, ведь только он и позволит Вам остаться на нужной глубине ровно до моего возвращения». Элиза посмотрела в его глубокие глаза. «Если Вы, вообще, когда-нибудь вернетесь» - подумала она, но вслух больше ничего не сказала. И этот подарок, что оставил ей мистер И., среди всех других игрушек Элизы принесенных поклонниками, был самый милый. Безделица, неизмеримо сладко согревавшая ладонь те нескольких дней, когда Элиза места себе не находила от тоски. Она не выпускала его из рук довольно продолжительно, перекладывая камушек из ладони в ладонь, но затем, увлекшись игрой на фортепьяно (правда, ненадолго) поняла, что теперь обе ее руки стали ей категорически нужны. И сперва она переложила свой камушек в карман пальто, затем в клатч, а после – в ту самую шкатулку, предварительно завернув его в страницу своего дневника, чтоб не забыть ненароком, от кого подарок.

Март, 2014

